

Утепова Р.¹, Тлеубай Г.²,

ст. преподаватель¹, ст. преподаватель²
Казахского национального университета им. аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы,
e-mail: roza_uteпова69@mail.ru, Gulbanu2007@gmail.com

Ассоциативные признаки лексем «пламя – пальма» в поэзии О. Сулейменова

В данной статье рассматривается семантический объем словесного образа пальмы в индивидуально-поэтической системе О. Сулейменова. Сложное переплетение смысловых планов, связанных с этими образами, с противоречивым единством жизни и смерти, ненависти и любви, реализуется в поэзии Сулейменова в рамках художественной идеи огня. Пальма и пальцы являются одними из образных воплощений бессмертия, прощения, любви.

Образ пальмы в индивидуально-поэтическом видении Сулейменова обнаруживает семантико-ассоциативные связи с образом знойных, палящих лучей солнца, пламенем войны, голодом, смертью – огнем.

Образные ассоциации, возникшие в поэтическом сознании, повторяют те естественные ассоциативные связи, которые возникли в ходе развития языка. Следовательно, признак открытости, положенный в основу образов пальмы, пальцев, сближает их через образное восприятие огня-пламени с другим членом рассмотренного нами паронимического ряда - полем.

Ключевые слова: образ, пальма, пламя, ассоциативный ряд, идея, паронимический ряд.

Uteпова R.A.¹, Tleubay G.K.²,

¹assistant Professor, ²assistant Professor
of Al-Farabi Kazakh National University
Kazakhstan, Almaty,
e-mail: roza_uteпова69@mail.ru, Gulbanu2007@gmail.com,

Associative signs of the lexemes "flame - palm" in the poetry of O. Suleimenov

This article discusses the semantic volume of the verbal image of a palm tree in Suleimenov's individual-poetic system. The complex intertwining of semantic plans associated with these images, with the contradictory unity of life and death, hatred and love, is realized in Suleimenov's poetry as part of the artistic idea of fire. Palm and fingers are some of the figurative incarnations of immortality, forgiveness, love.

The image of a palm tree in the individual poetic vision of Suleimenov reveals semantic-associative links with the image of the hot, scorching rays of the sun, the flame of war, hunger, death — fire.

The imaginative associations that have arisen in poetic consciousness repeat those natural associative connections that arose during the development of a language.

Consequently, the sign of openness, which is the basis for the images of palm trees, fingers, brings them together through the figurative perception of fire-flame with another member of the paronymic row we have considered - the field.

Key words: image, palm, flame, associative series, idea, paronymy series.

Отенова Р.А.¹, Тілеубай Г.Қ.²,

әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің
¹аға оқытушысы, ²аға оқытушысы,
Қазақстан, Алматы қ.,
e-mail: roza_uterova69@mail.ru, Gulbanu2007@gmail.com,

О. Сүлейменовтың поэзиясындағы "жалын – пальма" лексемаларының ассоциативті белгілері

Бұл мақалада Сүлейменовтың жеке-поэзиялық жүйесінде пальма ағашының ауызша көрінісінің семантикалық көлемі талқыланады. Өмір мен өлімнің, жек көрушіліктің және сүйіспеншіліктің қайшылықтары бар бұл суреттермен байланысты семантикалық жоспарлардың кешенді араласуы Сүлейменовтың поэзиясында өрттің көркемдік идеясы ретінде жүзеге асады. Пальма мен саусақтар - өлместіктің, кешірімнің, сүйіспеншіліктің бейнелі көріністері.

Сүлейменовтың жекелеген поэтикалық көрінісінде пальма кескінінің бейнесі күннің ыстық, шуақты сәулелері, соғыс жалыны, аштық, өлім-жітімнің бейнесі бар семантикалық-ассоциативті байланыстарды ашады.

Поэтикалық санада пайда болған көркемдік қауымдастық тілдің дамуы кезінде пайда болған табиғи байланыстық байланыстарды қайталайды.

Демек, пальмалар, саусақтардың суреттерінің негізі болып табылатын ашықтықтың белгісі бізді өрт жалынының бейнелі қабылдауымен біріктіреді, біз қараған паронимдік қатардың басқа мүшесі - дал.

Түйін сөздер: бейне, пальма, жалын, ассоциативті серия, идея, паронимия сериясы.

Введение. Художественная идея огня связывается в индивидуально - поэтической системе О. Сулейменова с одним, достаточно объемным гнездом этимологизируемых слов, ключевым среди которых является лексема «пальма», вступающая в паронимическую аттракцию со словами *опали, пальмиры, палка, напалм, плачет, опальный, пальцы* и, наконец, *пылающий*. Контексты стихотворений «Индонезия» (1962), «Разговор с живыми» (1963), «Баальбек - храм солнца» (1964), «Пять» (1964), «Минута молчания на краю света» (1968), «Атмосфера» (1978), «Девочка в желтом сари» (1968) - все перечисленные стихотворения, в основном, объединены тем, что написаны под впечатлением от путешествий по странам Азии и Африки. Некоторые из них вошли позже в цикл «Айналайн, Земля моя».

Самый большой паронимической ряд со словом пальма обнаруживаем в стихотворении «Девочка в желтом сари».

Тема жизни и смерти и связанного с ними высокого духовного начала в человеке становится предметом размышления поэта и в этом стихотворении. Переплетены две темы - война во Вьетнаме и голод, вызванный засухой, в индийском штате Бихар. И обе связаны со смертью - печальным итогом войн и голода.

В этом контексте образ пальмы - изначально нейтральный (пальма - южное вечнозеленое дерево с высоким стройным стволом, увенчанным кроной из крупных перистых и веерообразных листьев) получает необычные ассоциативно-коннотативные признаки. Коннотации, связанные с экзотичностью южного пейзажа, отодвигаются на второй план, а на первый выдвигаются признаки, обусловленные другой стороной семы «южный»: «знойный, безводный», что в условиях этих стран означает голод и смерть. Погибают даже пальмы, наилучшим образом приспособленные к условиям тропиков. Вечнозеленое дерево сожжено безжалостным солнцем, превращено в сухую палку («Листья пальм одиноких опали от зноя, саун», «Лозунг рисованный виснет на пальмовой палке, Шри шелестит о вьетнамке, сожженной напалмом»).

Эксперимент. Паронимическое сближение; слов с близкозвучным комплексом «пал» - *пальм - опади-*; *на пальмовой - палке - напалмом* подчеркнуто повторением их в одной строке, вынесением в отдельную стихотворную строку и переключкой слов «на пальмовой – напалм», где в сближении образов участвует и предлог «на».

Логика поэтического мышления связывает образ пальмы, пальмовой палки с напалмом – «воспламеняющейся смесью для зажигательных бомб и огнеметов». Семы «зажигательный», «воспламеняющийся», «огнемет», присутствующие в семантической структуре лексемы «напалм», а также слово сожженный приводят к появлению в смысловом объеме образа пальмы ассоциативных признаков, связанных с огнем. Присутствие образа огня в описании специфически индуистского обряда самосожжения и погребального сожжения («Как на индусское *самосожжение* шли», «На алтаре корчится девочка в *огненном сари*, этим *сожженьем* окончился митинг в Бихаре») усиливает эмоциональное напряжение и ассоциативную связь образа пальмы с огнем, пламенем.

Паронимическая аттракция «пальма – пламя» существует в другом контексте, свидетельствующем, что в поэтическом сознании Сулейменова эти образы имеют ассоциативную привязанность друг к другу.

Выразительный и емкий образ закатного неба и солнца просвечивающего сквозь пальмы «горят воздушные дома», «пылающее колесо», подчеркнут авторским объединением в составе паронимической аттракции слов *пальмовый-пылающее*.

Итак, образ пальмы в индивидуально-поэтическом видении Сулейменова обнаруживает семантико-ассоциативные связи с образом знойных, палящих лучей солнца, пламенем войны, голодом, смертью – огнем.

Функционирование этого образа в других контекстах также связано с отрицательной эмоциональной окраской:

Пальма - не более, чем «красивость», «внешняя красота, привлекательность». Паронимическое окружение - *плачет, впалый* - связано с описанием внутреннего и внешнего состояния героя, тяжело переживающего гибель негритянского гуманиста Мартина Лютера Кинга, напомнившую ему о таком же трагическом исходе жизни «великого непротивленца Ганди».

Обратим внимание, что и в характеристике образа луны доминирует не обычный эпитет желтый, а багровый, кроваво-красный.

И даже в стихотворении «Баальбек - храм солнца» - лирическом воспоминании о путешествии по священным местам - оптимистические ноты не мешают появлению образа, близкого к уже отмеченному.

Если в предыдущих контекстах характер ассоциативных связей образов пальмы и пламени (противоречивого единства жизни и смерти) не совсем определен, то в данном случае актуализация семы «вечнозеленый» в структуре лексемы «пальма» и создает возможность противопоставления образов пальмы и пальмир. Вечнозеленое дерево - свидетель жизни и смерти этих некогда прекрасных и полнокровных, а ныне мертвых городов.

Жизнь и смерть - пограничные состояния, которые подчеркнуты поэтом в строках «нет людей разных - кроме живых и убитых» и в образе погибающей от голода девочки: «качается на качелях девочка в желтом сари».

Художественная идея огня-пламени, в преломлении через образы пальмы и других членов паронимической парадигмы (палка, напалм, пальмиры, плачет) реализуется в смысловом плане, связанном с уничтожением, страданиями. Пальма становится олицетворением бессмертия. Поэтому неслучайно обращение поэта к образу Шивы («пришли увидеть не Шиву, живого Шри»). «Третий из величайших богов», Шива олицетворяет собой идеи, чуждые Вишну и Брахме. Его сфера - разрушение, а с другой стороны - исцеление. Эту черту образа Шивы С.П. Невелева связывает с древней ассоциацией его с огнем, применявшимся как исцеляющее, успокаивающее средство. Шива-Рудра идентифицируется с богом огня Агни в одном из образных аспектов: огонь, грозное пламя. Интересна в связи с этим

характеристика Агни. «Два определяющих аспекта Агни - священный огонь жертвоприношения и космический огонь конца мира, функция Агни как космической силы, разрушающей вселенную, связан с учением о четырех мировых периодах (югах), закономерным завершением которых является всеобщая гибель. Первый признак «конца жизни» - многолетняя засуха. Все живое обращается в пепел под палящими лучами шести солнц, и на мир, иссушенный солнцами, с вихрем обрушивается пламя конца света.

Результаты обсуждения. Соединение образов засухи, огня войн, разрушений и жертвенного огня в данных контекстах, связанных с реалиями жизни восточных стран, в частности, Индии, является выражением своеобразной художественно-эстетической переработки воспринятых поэтом впечатлений, наложившихся на индивидуально- авторское видение образа огня.

Итак, в смысловой объем образа пальмы включаются ассоциации, связанные с разнообразными проявлениями огненной стихии – «засуха, пламя войны, пламя жертвенного костра, противоречивое единение жизни и смерти как пограничных состояний».

Неожиданно интересная сторона этого поэтического образа раскрывается в контексте стихотворения «Разговор с живыми», представшего позже в новом варианте под лаконичным названием «Пять».

В стихотворении, посвященном крушению колониальной системы, образ пальмы противопоставлен образу «опальной» Африки как богом предопределенное право первенства. «Пальма - античный символ победы и славы, первенства в соревнованиях».

Представляется, что семантический коррелят «опальный» не только актуализирует значение «находящийся в опале, впавший в немилость», но и содержит намек на «опаленный зноем, солнцем, войнами», т.к. речь идет о пятом, «распятом» континенте - Африке. Социальные мотивы звучат в определениях «распаятый», «опальный», в такой сжатой характеристике «третьего мира», подавленного колониальными притязаниями разных держав.

Небольшое отступление, связанное с новым вариантом стихотворения и изменением его названия, позволит исследовать развитие образа. В стихотворении «Пять», отказавшись от социальных мотивов (уже нет упоминаний об опальной Африке), поэт сосредоточивается на нравственно-философском содержании словаобраза «пять» и его производных.

«Древний жест – пять» воплощает в себе образ посмертной памяти. Сравним в связи с этим отрывок из стихотворения «Вся жизнь промелькнула», в котором посмертная память выражена в разных образах.

«Ладонью растопыренной впечатать все радости, надежды и печали» - яркий образ памяти, которую оставляли древние.

Изображение раскрытых, растопыренных пальцев руки, выбитое на древних надгробиях, для поэта не просто знак памяти.

Оно связано с этико-философским смыслом: раскрытая рука всегда символизировала открытость, дружелюбие, отсутствие злых намерений. Сравним в связи с этим древний смысл рукопожатия. Поэтическое осмысление этого надгробного изображения глубже, предупреждение не поддаваться чувству мести, обращение к идее всепрощения, любви. К живым обращаются ушедшие из этого мира: «Дымное знамя мести не дай над огнем поднять!». Примечательно, что отрицательные коннотации развиваются здесь не в связи с образом огня, а с образом дыма – «поднимающихся вверх темных клубов, летучих продуктов горения». Такое осмысление образа дыма наметилось еще в контексте стихотворения «Азиатские костры», в котором проявляется сближение смысла лексемы *дым* со словом *чад* – «едкий, с резким запахом дым; то, что дурманит сознание, разум». – «вы жгли для дыма на кострах шаманов», «опять костры для дыма расцвели». «Дымное знамя мести» - ослепляющее чувство, затемняющее сознание, лишенное зачастую здравого смысла.

Выбитая на камне вскрытая кисть, растопыренные пальцы в поэтическом сознании Сулейменова становятся образным воплощением посмертной памяти, а также олицетворяют

идею всепрощения, любви. Сравните аналогичный смысл «пальмового воскресенья» у многих народов.

Образ растопыренных пальцев и пальм эксплицирован в стихотворении «Индонезия»: *Пальцы* ласкают лицо, словно небо ласкают *пальмы*.

Зрительный образ ласкающих лицо пальцев опосредуется через видение южного неба, пальмы на фоне чистого неба. Парадоксальная связь: не конкретный образ порождает метафору, а наоборот, основой сравнения становится метафорический образ. Если отвлечься от этой парадоксальности и сосредоточиться на объектах сравнения, то обнаруживается, что в основу образного сравнения положен признак раскрытости, свойственный растопыренной, открытой ладони и широким веерообразным листьям пальмы. Этот признак, по данным этимологических словарей, был положен и в основу латинского слова *palma*: «первоначально тождественно *palma* «ладонь» по сходству листьев пальмы с растопыренными пальцами». Образные ассоциации, возникшие в поэтическом сознании, повторяют те естественные ассоциативные связи, которые возникли в ходе развития языка.

Заключение. Следовательно, признак открытости, положенный в основу образов пальмы, пальцев, сближает их через образное восприятие огня-пламени с другим членом рассмотренного нами паронимического ряда - полем.

Таким образом, семантический объем словесного образа пальмы в индивидуально-поэтической системе Сулейменова накладывается на содержание образа пяти пальцев, раскрытой кисти руки. Сложное переплетение смысловых планов, связанных с этими образами, с противоречивым единством жизни и смерти, ненависти и любви, реализуется в поэзии Сулейменова в рамках художественной идеи огня. Пальма и пальцы являются одними из образных воплощений бессмертия, прощения, любви.

Остается отметить, что смысл жеста «Пять» актуален и в наш дни. Поднятая рука с растопыренными пальцами стала символом антиядерного движения «Невада-Семипалатинск», организатором которого является Сулейменов - движения против того «мирового огня», которое может охватить все человечество.

Список литературы

- 1 Ахметов З. Национально-характерные черты поэзии О. Сулейменова // Ахметов З. О языке казахской поэзии. Алма-Ата: Мектеп, 1970. – 176 с.
- 2 Ахметов З. Современное развитие и традиции казахской литературы.- Алма-Ата: Наука, 1978.- 328 с.
- 3 Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. -М., 1979. С.344.
- 4 Бахтин М.М. Проблемы речевых жанров //Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. 2-ое изд. -М., 1986, С.250-296.
- 5 Бахтикиреева У.М. Русский язык национальных писателей //Вопросы филологии. М., 17-21 сентября 2003. С.62-64.
- 6 Бахтикиреева У.М. Мой Олжас // АС АЛАН. -М.: Мир дому твоему, 2003. Вып. №1(10) 2003. С.480-528.
- 7 Бахтикиреева У.М. Творчество писателя-билингва (к вопросу об интеграции систем филологического образования государств-участников СНГ) . С.698-703.
- 8 Бахтикиреева У.М. Бытие в мире. К проблеме двуязычия на постсоветском пространстве // Вестник актуальных прогнозов: Россия. Третье тысячелетие. -М.: Изд. Журнала «Родина». №10, 2004. -С.148-149.
- 9 Бахтикиреева У.М. Творческая билингвальная личность: русскоязычный национальный писатель и особенности его русского художественного текста (монография). -М.: Изд-во Триада, 2005. 192с.

References

- 1 Akhmetov Z. (1970). Natsionalno-xarakterniye cherty poezii O. Suleimenova. [National characteristics of poetry O. Suleimenov]. Alma-Ata: Mektep, - P.176 - 179. (in Russian)
- 2 Akhmetov Z. (1978). Sovremennoe razvitiye I traditsii qazaqskei literaturi. [Modern development and traditions of Kazakh literature]. Alma-Ata: Science, 328 p. (in Russian)
- 3 Bakhtin M.M. (1979). Estetika slovesnogo tvorchestva. [Aesthetics of verbal creativity]. M. P.344. (in Russian)
- 4 Bakhtin M.M. (1986). Problemy rechevix janrov. [Problems of speech genres]. Moskva. pp. 250-296. (in Russian)
- 5 Bakhtikereva U.M. (2003). Russkiy yazyk natsionalnykh pisatelei. [Russian language of national writers]. M. P.62-64. (in Russian)
- 6 Bakhtikereva U.M. (2003). Moya Oljas. [My Olzhas]. M.: Peace to your home. Vol. No. 1 (10). P. 480-528. (in Russian)
- 7 Bakhtikereva U.M. (2003). Tvorchestvo pisatelya bilingva. [Creativity of the bilingual writer (on the question of the integration of the systems of philological education of the CIS member states)]. Ibid. P.698-703. (in Russian)
- 8 Bakhtikereva U.M. (2004). Bitie v mire. [Being in the world. To the problem of bilingualism in the post-Soviet space]. Bulletin of actual forecasts: Russia. The third millennium. M.: Ed. Journal "Homeland". No. 10. p.148-149. (in Russian)
- 9 Bahtikireeva U.M. (2005). Tvorcheskaiya bilingvalnaya lichnost. Russko-yazychnii natsionalnyi pisatel I osobennosti ego russkogo xudozhestvennogo teksta. [Creative bilingual personality: Russian-speaking national writer and features of his Russian artistic text (monograph)]. Moskva : Triad Publishing House, 192 p. (in Russian)